

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ВНЕДРЕНИЯ ШТАТНЫХ НЕГЛАСНЫХ СОТРУДНИКОВ
В ОРГАНИЗОВАННЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ**

О.Д. ЖУК

Жук Олег Дмитриевич, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Статья посвящена вопросам использования результатов "оперативного внедрения", процессуальным особенностям сбора и закрепления доказательств, полученных в ходе рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия, анализу зарубежной практики защиты лиц, внедренных в криминогенную среду для решения конкретных оперативно-розыскных задач по борьбе с преступностью, а также возможной имплементации отдельных положений в российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: организованное преступное сообщество (организация), оперативно-розыскное мероприятие, "оперативное внедрение", оперативно-розыскная информация, следователь, прокурор, защита свидетелей.

Comparative Law Aspects of Infiltration of Staff Undercover Officers in Organized Crime Groups

O.D. Zhuk

Zhuk Oleg D., Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

The article is dedicated to the issues of "operative infiltration" result application; procedural peculiarities of collection and preservation of evidence received in course of the reviewed operational search events; analysis of foreign practice of protection of persons infiltrated in the criminal environment to solve specific operational search tasks to struggle against crime, and possible implementation of separate provisions in the Russian criminal and criminal procedure legislation.

Key words: organized crime network (organization), operational search event, "operative infiltration", operational search information, investigator, prosecutor, witness protection.

Практика использования негласных сил, средств и методов оперативными и специальными службами разных стран в борьбе с организованной преступностью показывает, что первое место справедливо занимает агентурный метод, в задачи которого входит привлечение отдельных лиц на конфиденциальной основе к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий, а также внедрение в преступную среду агентурных источников и сотрудников правоохранительных органов.

В оперативно-розыскной деятельности России одним из основных оперативно-розыскных мероприятий, способствующих противодействию организованной преступности, является "оперативное внедрение".

Что же подразумевает под собой "оперативное внедрение"?

При всем многообразии научного и практического материала, касающегося "оперативного внедрения", данное оперативно-розыскное мероприятие до настоящего времени изучено недостаточно, до сих пор не сложилось единообразное понимание его сущности. Поэтому нельзя говорить о всестороннем и полном исследовании указанной проблемы.

При этом формулировки отдельных авторов (А.Е. Чечетина, А.В.

Земскова, А.П. Исиченко, В.С. Овчинского) весьма похожи на определения из ведомственных нормативных актов, регламентирующих основы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел <1>.

<1> Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николука. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 1999. С. 64.

В отличие от перечисленных авторов, А.Ю. Шумилов раскрывает понятие "оперативное внедрение" как приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации внутри объекта оперативного интереса и (или) в его окружении для оптимального решения оперативно-розыскных задач и достижения ее целей в сложившейся оперативной обстановке <2>.

<2> Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 360.

Таким образом, проанализировав научный и практический материал, используя собственный многолетний опыт работы, считаем, что под "оперативным внедрением" следует понимать комплексное оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендированном (зашифрованном) вводе в объекты оперативного внедрения, оперативном сопровождении и выводе агентурных источников для решения конкретных оперативно-розыскных задач по борьбе с преступностью в случае невозможности решения этих задач с использованием других оперативно-розыскных мероприятий.

В данном контексте под агентурными источниками мы подразумеваем сотрудников оперативных подразделений, ШНС (штатных негласных сотрудников) и лиц, оказывающих содействие субъектам ОРД на

конфиденциальной основе.

"Оперативное внедрение" с психологической, организационной и правовой позиций является, на наш взгляд, весьма сложным оперативно-розыскным мероприятием. Особая сложность заключается во внедрении оперативных сотрудников и конфиденентов в организованные преступные формирования. Так, например, в Италии, США, Китае проводятся длительные подготовительные мероприятия по внедрению специальных агентов в такие преступные сообщества, как каморра, ндрангета, сицилийская мафия, триады. Указанные организованные преступные формирования отличаются иерархичной структурой, жесткой дисциплиной, сплоченностью, основанной на семейных отношениях (сицилийская мафия), следованием традициям, присущим каждому преступному клану (соблюдение кодекса "омерты" и т.п.).

Подобные секретные операции осуществляются поэтапно: агент под прикрытием первоначально внедряется в организованные преступные формирования сроком на шесть месяцев <3>. В ходе дальнейшего положительного наблюдения и контроля за физическим, психологическим состоянием, а также анализа представленных агентом сведений, по специальному постановлению определенных должностных лиц операция продлевается для решения поставленных оперативных задач.

<3> Attorney General's Guidelines on FBI undercover operations. 1992. P. 3 - 6.

В России существуют проблемы внедрения оперативных сотрудников и конфиденентов в этнические организованные преступные группы (кавказские, грузинские, цыганские, вьетнамские, корейские, китайские - триады), преступная деятельность которых носит прежде всего семейственный, клановый характер.

Главной задачей лиц, внедренных в организованные преступные формирования, является сбор доказательств на основании ст. 73 УПК РФ в

отношении руководителей, участников таких формирований, подтверждающих совершение ими тяжких или особо тяжких преступлений, установление преступных связей; признаков, характеризующих организованное преступное сообщество (организацию) в соответствии с ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ; способов конспирации преступной деятельности, используемых организованной преступной группой; характера технических средств, использованных членами преступного сообщества для облегчения совершения преступлений, для скрытия следов преступлений и обеспечения безопасности членов преступной группировки, а также для повышения эффективности противодействия деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел в отношении членов сообщества; размеров денежных фондов, используемых членами организованных преступных группировок для обеспечения "расширенного воспроизводства преступной деятельности и в качестве своеобразного фонда социального страхования", для помощи осужденным сообщникам и членам их семей; места хранения указанных денежных средств; лиц, ответственных за сохранность этих денежных фондов, следящих за правильностью их использования, за расходом и приходом денег; цели создания подобных фондов денежных средств и факты их использования; характера связей преступного сообщества, в отношении членов которого ведется расследование уголовного дела, с иными преступными группировками <4>.

<4> Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1973. С. 139.

Оперативная информация, полученная в ходе "оперативного внедрения", должна быть подвергнута проверке и оценке с точки зрения допустимости и достоверности доказательственной информации. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, результаты оперативно-

розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе норм уголовно-процессуального закона (Определения от 4 февраля 1999 г. N 18-О, от 25 ноября 2010 г. N 1487-О-О, от 25 января 2012 г. N 167-О-О, от 19 июня 2012 г. N 1112-О, от 20 февраля 2014 г. N 286-О и др.) <5>.

<5> Постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. N 27-П "По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева" // СПС "КонсультантПлюс".

В КНР информация, полученная от оперативного сотрудника или информанта (в отличие от российской практики), прежде чем она попадает к следователю, как правило, поступает в отдел информационной поддержки следственных подразделений, где она собирается, анализируется, проверяется достоверность ее источников, систематизируется по эпизодам и исполнителям преступной деятельности и т.д. Следователь, дополнительно получив эту информацию, сопоставляет имеющиеся данные и на этой основе принимает решение о возбуждении уголовного дела или о необходимости дополнительной проверки собранных материалов <6>.

<6> Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае. М., 2009. С. 136 - 137.

В США в соответствии с законами РИКО (по борьбе с организованными преступными организациями) анализу и проверке подвергается оперативная информация, полученная от информанта по причине того, что лицо, привлекаемое к сотрудничеству на конфиденциальной основе, в зависимости

от преследуемых целей может исказить добытую оперативную информацию. Оперативная информация, полученная от агента, автоматически считается доказательством, при условии что на протяжении всей операции были соблюдены законные основания получения такой информации (отсутствие провокации со стороны агентов и т.п.) <7>.

<7> Hay B. Sting Operations, Undercover Agents, and Entrapment, 70 Mo. L. Rev. (2005). P. 397 - 401.

Таким образом, в различных зарубежных странах существуют единые процессуальные критерии признания оперативной информации в качестве доказательства, являющиеся основанием для привлечения к уголовной ответственности руководителей и участников организованных преступных сообществ (организаций). Думается, что данное положение необходимо имплементировать в российское законодательство.

Ключевой проблемой "оперативного внедрения", на наш взгляд (кроме опасности разоблачения и расправы со стороны участников организованного преступного формирования), является **факт возможного привлечения к уголовной ответственности внедренных агентурных источников** за участие в конкретной преступной деятельности организованных преступных сообществ (организаций). Часть 4 ст. 16 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (далее - Закон об ОРД) допускает вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга в целях защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Подобная законодательная позиция позволяет обратить внимание на

следующие условия проведения "оперативного внедрения":

- допущение вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам;

- действия субъекта внедрения должны быть правомерными.

В Законе об ОРД не раскрываются критерии правомерности действий субъекта внедрения, что приводит к различному научному толкованию рассматриваемой проблемы. Например, существует точка зрения, согласно которой подобные действия субъектом внедрения должны рассматриваться в рамках главы 8 УК РФ "Обстоятельства, исключающие преступность деяния", где речь идет о таких обстоятельствах, как необходимая оборона (ст. 37), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), крайняя необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40), обоснованный риск (ст. 41), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42).

Заметим, что подобная правовая регламентация не считается в полной мере гарантией защиты субъектов "оперативного внедрения" от уголовного наказания. Например, ч. 2 ст. 39 УК РФ указывает на конкретные признаки превышения пределов крайней необходимости:

- причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась;

- когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный.

Следовательно, институт крайней необходимости не может в полной мере гарантировать правовую защиту субъектам "оперативного внедрения", так как при вынужденном совершении внедренными лицами преступлений нелегко соотносить величину причиненного и предотвращенного вреда. А также сложно обосновать невозможность решения оперативно-розыскных задач способом, не связанным с причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам.

В науке уголовного права существует и другая точка зрения, согласно которой лица, внедренные в организованные преступные группы, освобождаются от уголовной ответственности по основаниям, указанным в главе 11 УК РФ. Например, ст. 75 УК РФ называет несколько условий освобождения от уголовной ответственности:

- совершенное преступление должно подпадать под категорию небольшой и средней тяжести;
- преступление должно быть совершено впервые;
- виновное лицо должно добровольно явиться с повинной;
- оно должно способствовать раскрытию преступления;
- возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления.

Соответственно, исходя из содержания данной уголовно-правовой нормы лица, внедренные в организованные преступные сообщества (организации), не освобождаются от уголовной ответственности ввиду того, что преступления, совершаемые указанными организованными преступными формированиями, относятся к категории тяжких или особо тяжких (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Также вызывает сомнение наличие виновности субъектов "оперативного внедрения" и обязанности возместить причиненный ущерб потерпевшим от преступления лицам.

Стоит еще раз подчеркнуть, что **указанное оперативно-розыскное мероприятие не должно рассматриваться как преступление (в смысле: результат внедрения - участие в преступной организации по УК РФ)**, в связи с тем что субъект "оперативного внедрения" выполняет определенное задание, руководствуясь задачами, принципами, условиями, предусмотренными Законом об ОРД. Поэтому ни о каком добровольном прекращении участия в преступном сообществе (организации) (прим. ст. 210 УК РФ) субъекта оперативно-розыскного мероприятия не может быть и речи, в связи с тем что, продолжая состоять в преступной организации, субъект "оперативного внедрения" реально может оказывать содействие в борьбе с

организованной преступной деятельностью, что соответствует задачам, поставленным должностными лицами, указанными в ч. 3 ст. 16 Закона об ОРД.

Анализ статей УК РФ и Закона об ОРД позволяет сделать вывод о **законодательном пробеле в защите лиц, внедренных в организованные преступные формирования**, от уголовного преследования, что ставит под угрозу качественное выполнение рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия.

В отличие от Российской Федерации, проблема освобождения от ответственности внедренных лиц в криминальную среду нашла свое разрешение в ряде зарубежных стран в виде "концепции мнимого соучастия" как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Суть данной концепции заключается в том, что оперативным работникам и их **осведомителям разрешается участвовать в действиях, образующих состав преступления, в случаях, когда необходимо:**

- добыть информацию, имеющую первостепенное значение для привлечения разрабатываемых лиц к уголовной ответственности;
- поддержать достоверность легенды в глазах членов преступной организации;
- предупредить опасность для жизни и здоровья людей <8>.

<8> Attorney General's Guidelines on FBI undercover operations. 1992. P. 11
- 13.

Так, в США согласно Указаниям Генерального прокурора США по тайным операциям ФБР: **"...если неожиданно возникают непредусмотренные ситуации, влекущие необходимость участия агента в серьезном преступлении (фелонии), он должен немедленно проконсультироваться со специальным агентом (руководитель территориального подразделения ФБР), и последний может**

санкционировать такое участие. Если консультация невозможна и при этом возникает серьезная угроза жизни и физической безопасности отдельных лиц, агент под прикрытием может самостоятельно принять решение об участии в преступных действиях".

Таким образом, на законодательном и доктринальном уровнях в США подобное поведение внедренных агентов не только не считается противоречащим закону, но и является морально оправданным <9>. Стоит отметить, что процессуальная гарантия безопасности агентов под прикрытием реализуется за счет обязательного контроля и осведомленности должностных лиц, ответственных за проведение подобных операций. В соответствии с должностными инструкциями, ведомственными нормативными актами и методическими рекомендациями лица, внедренные в организованные преступные формирования, обязательно консультируются, предоставляют письменные отчеты о проведенной оперативной деятельности, а также согласуют каждый этап секретной операции <10>. И здесь вполне возможно говорить об имплементации отдельных норм законодательства США в российское законодательство.

<9> См.: Адашкевич Ю.Н. Организованная преступность-2 / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1993. С. 208 - 220; Организованная преступность. Законодательные, уголовно-процессуальные, криминалистические аспекты: Курс лекций / Под ред. Е. Строганова. СПб., 2002. С. 52.

<10> The Federal Bureau of Investigation's Compliance with the Attorney General's Investigative Guidelines (Redacted). 2005. URL: <http://www.justice.gov/oig/special/0509/chapter4.htm>; Denis G. Fitzgerald Informants and undercover investigations. A practical guide to law, policy, and procedure. 2007. P. 247 - 250.

Внедрение агентурного источника в преступную организацию, его деятельность и вывод неразрывно связаны с вопросами его безопасности и

защиты, так как в ходе судебного следствия лица, внедренные в организованные преступные сообщества (организации), выступают, как правило, в качестве свидетелей обвинения. В связи с чем они подпадают под государственную программу защиты свидетелей.

Согласно § 3521 Свода Законов США вопрос о необходимости применения мер безопасности к свидетелю решает **Генеральный прокурор**, исходя из общественной опасности совершенного преступления и потенциальной опасности для свидетеля и его близких. Данный параграф предусматривает возможность применения следующих мер защиты:

- обеспечение свидетеля и его близких новыми документами;
- обеспечение свидетеля транспортом для перевозки имущества свидетеля к новому месту жительства;
- предоставление жилья;
- обеспечение свидетеля денежными средствами, необходимыми для текущих расходов;
- оказание помощи в получении новой работы;
- оказание иных услуг, необходимых на новом месте жительства;
- обеспечение сокрытия информации о мерах по защите свидетеля, а также меры ответственности за раскрытие данной информации. В соответствии с ч. 3 рассматриваемого параграфа ответственность за разглашение данной информации предусматривает штраф 5 тыс. долл. или тюремное заключение сроком на 5 лет либо одновременно оба вида наказания <11>. При решении вопроса о применении мер безопасности принимаются во внимание следующие обстоятельства: информация о предыдущих судимостях свидетеля, психологическая оценка личности свидетеля, а также значимость данных свидетельских показаний для расследования уголовного дела и возможность получения данной информации из других источников. Помимо Свода законов США порядок применения мер безопасности регламентируется Законом о защите жертв и свидетелей преступлений, а также Законом об усилении безопасности свидетелей.

<11> См.: Good practices for the protection of witnesses in criminal proceedings involving organized crime / United Nations Office on Drugs and Crime. New York, 2008. P. 7 - 8; Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство США: общая характеристика, законодательство штатов, сравнительный анализ. М., 2008. С. 264.

Несмотря на длительное существование указанной программы, многократную апробацию, существуют критические точки зрения со стороны ученых и практиков США. Например, с момента своего создания в программу было введено около 7 тыс. свидетелей и 16 тыс. членов их семей. Примерная стоимость обеспечения безопасности одного свидетеля с семьей составляет 150 тыс. долл. При этом значительная часть свидетелей имеют богатое криминальное прошлое, и они обладают ценной для расследования информацией по той причине, что занимали не последнее место в иерархии организованной преступной группы и совершали преступления наряду с другими ее членами. В связи с этим никто из третьих лиц не застрахован от возможных противоправных действий со стороны защищаемого лица, учитывая его криминальное прошлое. Так, в рамках действия программы имели место случаи, когда защищаемые лица совершали преступления <12>.

<12> Slate Risdon N. The federal Witness Protection Program: its evolution and continuing growing pains // Criminal Justice Ethics. 1997.

В России действует Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства", соответствующий международным стандартам в области защиты таких лиц. В данном Законе, в частности, рассматриваются возможности получения и использования показаний лиц, данных в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими

участниками судебного разбирательства. Возможность и необходимость использования таких средств вытекают из положений международно-правовых актов, предполагающих принятие участвующими в них государствами таких мер, которые могут потребоваться для обеспечения надлежащей защиты тех, кто сообщает о преступлениях или иным образом сотрудничает с органами, осуществляющими уголовное преследование, а также свидетелей, дающих показания, касающиеся преступлений (ст. 22 Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию; ст. 24 Конвенции ООН от 15 ноября 2000 г. против транснациональной организованной преступности; ст. 32 Конвенции ООН от 31 октября 2003 г. против коррупции; п. 17 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 20 апреля 2005 г. R (2005) 9 "О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием") <13>.

<13> Обобщение практики соблюдения судами Амурской области требований уголовно-процессуального закона при исследовании доказательств, их оценке в приговоре суда (утв. Постановлением Президиума Амурского областного суда от 9 апреля 2013 г.) // СПС "КонсультантПлюс".

Таким образом, исследовав зарубежный опыт защиты лиц, внедренных в преступные организации, приходим к выводу: **главным отличием российского Федерального закона о защите свидетелей от аналогичных программ в зарубежных странах является отсутствие четких указаний, в каких случаях может быть реализована программа.** Так, ст. ст. 1, 16 указанного Федерального закона носят декларативный характер в отличие от тех же зарубежных программ, где конкретизировано, что подобные меры защиты применяются в части, касающейся дел организованных преступных групп, преступлений, связанных с оборотом наркотиков, и т.п.

Специальным нормативным актом по защите сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную

деятельность, в том числе и "оперативное внедрение", служит ведомственный Приказ МВД России от 21 марта 2007 г. N 281 "Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких" <14>, в котором предусмотрены организационно-административные нормы по реализации защиты указанных ранее лиц.

<14> Приказ МВД России от 21 марта 2007 г. N 281 "Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких" // СПС "КонсультантПлюс".

Проанализировав опыт зарубежных стран по защите лиц, внедренных в преступные организации, считаем необходимым **имплементировать** в российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство следующие положения:

1) дополнить главу 8 УК РФ ст. 42.1 "Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность" в следующей редакции: "1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в преступную группу, сообщество (организацию) органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, если это лицо действовало во исполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при правомерном выполнении своего служебного или общественного долга.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора и подстрекателя совершения преступления, а также совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, сопряженное с посягательством на жизнь и здоровье людей либо с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия" <15>;

<15> Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. N 10; СПС "КонсультантПлюс".

2) дополнить ст. 2 "Лица, подлежащие государственной защите" в Федеральном законе "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" п. 4.1: "сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность".

Литература

1. Адашкевич Ю.Н. Организованная преступность-2 / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1993. 328 с.
2. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство США: общая характеристика, законодательство штатов, сравнительный анализ. М., 2008. 264 с.
3. Организованная преступность. Законодательные, уголовно-процессуальные, криминалистические аспекты: Курс лекций / Под ред. Е. Строганова. СПб., 2002. 322 с.
4. Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. N 10. С. 32 - 33.
5. Синь Янь. Борьба с мафией в Китае / Янь Синь, Н.П. Яблоков. М., 2009. 192 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К.

Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 249 - 251.

7. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 1999. 200 с.

Информация о публикации для оформления ссылки:

Жук О.Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. 2017. № 17. С. 46 - 51.